

ПО ПОВОДУ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ВОТИВНЫХ ПЛИТОК ФРАКИЙСКОГО КРУГА ИЗ ТАВРИКИ

На протяжении второй половины II – третьей четверти III вв. в Херсонесе и его окрестностях, а также на Хараксе и других пунктах Юго-Западной части Крымского п-ва дислоцировались римские войска из состава Мезийской армии империи. В составе населения того времени римские военнослужащие представляли не только достаточно компактную, но инородную группу населения. Они были носителями иной культуры и, следовательно, формы их религиозных представлений отличались от религии причерноморских греков и варварского населения региона. Несмотря на процесс нивелировки культур и религиозный синкретизм, который наблюдается в первые века н. э. повсеместно, идеологические представления римских военнослужащих были достаточно специфичны. Причем, как сейчас установлено, римские культы не вышли за пределы римских гарнизонов и не оказали существенного влияния как на религиозную жизнь в основе своей греческого населения Херсонеса, так и на варварские народы Таврики¹. Поэтому крайне важно оценить информативность памятников, связанных с религиозными представлениями римских военнослужащих в этом регионе. Причем, наиболее интересны в этом отношении вотивные плитки так называемого фракийского круга, которые обычно считаются одним из наиболее четких показателей как присутствия римских солдат в античных центрах Северного Причерноморья, так и неоднородности их религиозных представлений.

Вотивные мраморные плитки, обнаруженные при раскопках Херсонеса и поблизости оборонительных стен Харакса, уже неоднократно служили предметом специального изучения². Памятники этой категории – в подавляющем большинстве привозные из центров Западного Понта – представлены полированными прямоугольными плитками трапециевидной формы, иногда с закругленным верхом, изготовленными либо из проконесского, с синими прожилками, либо из крупнозернистого белого мрамора. На лицевой поверхности, окаймлен-

¹ *Мещеряков В. Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического I–IV вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1980. С. 11–12. Пожалуй единственным исключением из этого правила является культ римских императоров. Но пока его отправлением римскими военнослужащими в Северном Причерноморье не зафиксировано памятниками, хотя, безусловно, являясь частью вооруженных сил империи, они были просто обязаны приносить жертвы и исполнять необходимые ритуальные действия, связанные с культом римских императоров. Вместе с этим, культ императоров, как показали специальные исследования, был не столько религиозным, сколько политическим явлением в северопрichernоморском регионе, поэтому его следует рассматривать в тесной связи с развитием основных тенденций в официальной религии греческих центров (подр. см.: *Зубарь В. М.* Культ римских императоров в Северном Причерноморье // РА. 1995. № 1. С. 57–63).

² *Ростовцев М. И.* Святылище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42; *Блаватский В. Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 156–158; *Щеглов А. Н.* Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. 1969. № 150. С. 135–178.

ной рамкой, как правило, имелись изображения божеств, исполненные в низком барельефе. Иногда такие плитки, в частности, в Херсонесе, делались из известняка, что свидетельствует об их изготовлении на заказ на месте, видимо, по привозным образцам³. В этом отношении показательно, что два рельефа, обнаруженные при раскопках в Портовом районе Херсонеса не имели по периметру обычной для таких памятников рамки, что косвенно свидетельствует об изготовлении их местными мастерами⁴.

Такие мраморные плитки, связанные с религиозными представлениями фракийского населения Подунавья, укреплялись на стенах святилищ и в своей массе датируются II–III вв.⁵ Поэтому находки аналогичных памятников в античных центрах Северного Причерноморья обычно связываются исследователями с присутствием здесь римских гарнизонов, в состав которых входили уроженцы Подунавья⁶.

Для рассматриваемой темы не безынтересно привести перечень изображений божеств, которые имелись на таких плитках. В Херсонесе и его окрестностях обнаружено 11 целых и фрагментированных памятников с изображением фракийского всадника, один – Диоскуров, один – Артемиды, два – Диониса, один – Гекаты, один – Митры, один – Геры⁷. Из Харакса происходят три изображения фракийского всадника, четыре – Диониса, два – Митры, а также по одному – Гермеса, Артемиды и трехликой Гекаты⁸. На Сакской пересыпи встречено девять фрагментов рельефов с изображением фракийского всадника, а также с изображениями Геры, Кибелы, Артемиды и предположительно – Юпитера Лучшего Величайшего, Митры-Тавроктона и Асклепия⁹.

³ Щеглов А. Н. Фракийские посвятельные рельефы ... С. 153.

⁴ Кадцев В. И., Сорочан С. Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. 1989. № 4. С. 100–101, рис. 9–10.

⁵ Kazarow G. I. Denkmaler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938; Goceva Zl., Oppermann M. Monumenta Orae Ponti Euxini Bulgariae // ССЕТ. 1979. I. P. 9–25, 30–40, 48–63, 65–71, 73–113; Goceva Zl., Oppermann M. Monumenta inter Danubium et Naemum reperta // ССЕТ. 1984. II, 02. P. 4–133; Гочева З. Святилища на тракийский конник в районе на Провадия // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. 1990. IV. С. 134–142;

⁶ Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов ... С. 35, 41; Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 256–258; Щеглов А. Н. Фракийские посвятельные рельефы... С. 170–177; Руслева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 152; Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 141; Сон Н. А. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 122 сл..

⁷ Щеглов А. Н. Фракийские посвятельные рельефы... С. 137. 160; Кадцев В. И., Сорочан С. Б. Указ. соч. С. 99, 101, рис. 9–10. Один фрагмент такого рельефа обнаружен в ходе раскопок северо-восточного района Херсонесского городища под руководством М. И. Золотарева и еще не опубликован.

⁸ Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов... С. 12–16.

⁹ Ланцов С. Б. Отдельные вопросы истории Херсонесской хоры (по данным лапидарной эпиграфики) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 94; *его же*. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. Часть 3. С. 249–250; *его же*. Западный Крым в составе Херсонесского государства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991. С. 7–8.

Аналогичные votивные плитки обнаружены не только на территории Таврики, но и в других античных центрах Северного Причерноморья. В Ольвии известно пять таких памятников с изображением фракийского всадника, четыре – Митры-Тавроктона, еще на двух представлены бородатые боги, а так же Деметра и Кора¹⁰. А из Тиры происходит две плитки, на которых представлены Фракийские всадники, а одна – с изображением Артемиды¹¹. Изображения божеств, которых имеются на votивных плитках, можно разделить на несколько групп.

К первой относятся рельефы с фракийским всадником. В количественном отношении их подавляющее большинство. В образе всадника на территории Мезии и Фракии в первые века н. э. почитался не только Герой, но и Асклепий, Дионис, Зевс, Плутон, Аполлон, Митра, Серапис, Сильван, Артемиды и даже Артемиды-Бендида¹². Вполне возможно, что и сами дедиканты не имели четкого и устоявшегося представления о роли и функциях своего конного бога¹³. Но его связь с борьбой разных начал (земного и небесного, жизни и смерти, римлян и варваров), становится особенно характерной для аналогичных памятников середины III в.¹⁴ Фракийское происхождение этого изображения, несомненно¹⁵, так как оно отражает верования и религиозные представления выходцев с террито-

15; *его же*. Две votивные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // *Хсб*. 1999. Вып. 10. С. 98; *Кутайсов В. А., Ланцов С. Б.* Работы Западнокрымской экспедиции // *АО* за 1986. М., 1988. С. 302.

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Святилище фракийских богов... С. 17–19; *Блаватский В. Д.* Указ. соч. С. 256–258; *Щеголов А. Н.* Два votивных рельефа из Ольвии // *ЗООА*. 1967. Т. II. С. 255–259; *Русяева А. С.* Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // *Археологія*. 1982. Вып. 37. С. 152–153; *Кривина В. В.* Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // *Древнее Причерноморье* // *КСОАО*. 1994. С. 168–171; *Зубар В. М., Кривина В. В.* О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 76–83.

¹¹ *Сон Н. А.* Указ. соч. С. 122–123.

¹² *Щеголов А. Н.* Фракийские посвященные рельефы... С. 174; *Oppermann M.* Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // *Thracia*. 1974. Т. 3. S. 353–362; *Попов Д.* Тракийская богиня Бендида. София, 1981. С. 16–18, 20, 78, 83, 95–96, 103; *Крыкин С. М.* Votивный барельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 75–76; *его же*. Фракийцы... С. 137–143; *Русяева А. С.* Религия и культы... С. 152 и др. В этом отношении примечательно, что на одном из рельефов с изображением фракийского всадника из Ольвии, последний на основании аналогий был удачно интерпретирован как Поробон, который являлся кельтским божеством. См.: *IOSPE*, 12, № 171; *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийский городах позднеантичного времени // *ВДИ*. 1973. № 1. С. 55–56; *Русяева А. С.* Негрецькі елементи... С. 11; *Крыкин С. М.* *Deus Sanctus Porobonus* // *ВДИ*. 1992. № 3. С. 140–147.

¹³ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 248; *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 30, 132, 234, 301. Ср.: *Тачева-Хитова М.* История на източните култове в Долна Мезия и Тракия V в. пр. н.е. – VI в. н. е. София, 1982. С. 144, № 39; С. 156–157, № 55а; С. 168, № 74; С. 268–270, № 17; С. 276–277, № 22.

¹⁴ *Штаерман Е. М.* Социальные основы... С. 301.

¹⁵ *Oppermann M.* *Op. cit.* S. 244–249.

рии Мезии и Фракии¹⁶, уроженцы которых составляли значительный процент среди римских военнослужащих, особенно подразделений вспомогательных войск Мезийской армии¹⁷. Из состава последней как раз и выделялись солдаты для несения службы в античных городах Северного Причерноморья¹⁸.

Ко второй группе принадлежат божества восточного происхождения, представленные прежде всего изображениями Митры. Культ этого иранского солнечного божества в первые века н. э. был широко распространен на территории Римской империи, в том числе и в Подунавье, в первую очередь среди солдат римской армии¹⁹. Объясняется это тем, что Митра был многофункциональным божеством, хранителем договора и союза, борцом со злом и его победителем, дававшим людям свет и добро²⁰. Такие мраморные рельефы, происходящие из Херсонеса и Харакса, а также находка в районе херсонесской цитадели фрагментированного алтаря с латинским посвящением, видимо, Митре от имени римского военнослужащего²¹, и незначительное количество памятников, связанных с этим божеством в Таврике, очевидно, позволяют связывать их с идеологией расквартированных здесь солдат Римской армии. Хотя Э. И. Соломоник не исключала и возможности того, что адептами этого культа были не только солдаты, но и какая-то часть населения Херсонеса²².

И, наконец, в третью группу могут быть объединены изображения, адекватные божествам греческого пантеона, образы которых, впрочем, в первые века н. э. претерпели определенную модификацию в результате кризиса полисной идеологии и религиозного синкретизма²³. Одним из следствий этого процесса в Херсонесе было расширение круга частных культов, которые отправлялись семьями в домашних святилищах²⁴. Учитывая, что подавляющее большинство рельефов рассматриваемого типа с изображениями божеств греческого пантеона было обнаружено при раскопках жилых кварталов Херсонеса,

¹⁶ Тачева-Хитова М. Указ. соч. С. 447–450, 458–459; Найденова В. П. Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 56–59; Крыкин С. М. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // *Thracia*. 1988. Т. 8. С. 79; Goseva Zl. Weihungen für den Thrakischen Reiter von Mitgliedern der römischen Legionen // *Studia in honorem Borisi Gerov*. Sofia, 1990. S. 88–98; Claus M. *Cultores Mithrae*. Stuttgart, 1992. S. 218–233, 235.

¹⁷ Holder P. A. *Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan*. London, 1980. P. 109–139; Mann J. S. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principat*. London, 1983. P. 38, 66.

¹⁸ Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 8; Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 98–106.

¹⁹ Тачева-Хитова М. Указ. соч. С. 447–450.

²⁰ Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // *Культура древнего Рима*. М., 1985. Т. 2. С. 205–207.

²¹ Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 40–41, № 11.

²² Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни ... С. 58.

²³ Там же. С. 55; Зубарь В. М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического // *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, 1990. С. 61–62.

²⁴ Мецераков В. Ф. Указ. соч. С. 11.

есть все основания предполагать, что рельефы с изображениями греческих божеств первоначально стояли не только в культовых помещениях римских военнoслужаших, но и в домашних святилищах херсонеситов.

Все сказанное позволяет прийти к весьма важному заключению о том, что тип вотивного рельефа так называемого фракийского круга вне зависимости от характера изображения не может рассматриваться в качестве показателя принадлежности памятника исключительно римским военнoслужашим – выходцам из Подунавья. Только в тех случаях, когда на таких памятниках имелись изображения фракийского всадника, об этом можно говорить более или менее уверенно²⁵.

Сейчас общепризнанным является факт, что мраморные плитки рассматриваемого типа были широко распространены на территории Дунайских провинций Римской империи не только среди военнoслужаших, но и гражданского населения. Именно это позволило сделать вывод, что и в Херсонесе аналогичная форма посвятельного памятника использовалась не только римскими солдатами, но и херсонеситами, о чем, в частности, свидетельствует, известняковый фрагмент с изображением богини Девы²⁶. Следовательно, распространение такого типа памятников в Северном Причерноморье не следует связывать исключительно с присутствием в составе их населения этнических фракийцев, в том числе и солдат. Скорее, это явление следует объяснять в более общем плане: тесными связями с Подунавьем, которые привели к определенным заимствованиям, а также присутствием в составе населения античных центров региона определенных групп выходцев с территории Мезии и Фракии²⁷.

Сказанное, с одной стороны, хорошо согласуется с данными о присутствии в составе населения Херсонеса и на Хараксе гражданского населения, связанного с римскими гарнизонами²⁸, а, с другой, – с провинциально-римским влиянием, которое наиболее заметно проявилось в материальной культуре²⁹, в том числе и в распространении весьма специфичных плиток так называемого фракийского типа с изображениями божеств традиционного греческого пантеона. В справедливости сделанного вывода убеждает и рельефная терракотовая плакетка из Херсонеса³⁰, связанная с культом дунайского всадника, который получил наиболее широкое распространение в конце III в.³¹, когда стационарного римского гарнизона в Херсонесе уже не было.

²⁵ Крыкин С. М. Фракийцы ... С. 140–141.

²⁶ Щеглов А. Н. Фракийские посвятельные рельефы ... С. 167.

²⁷ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Указ. соч. С. 91–101.

²⁸ Дьяков В. Н. Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930. С. 21–23; Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 250–253; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 90–99.

²⁹ Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I - IV вв. н. э. Киев, 1982. С. 117.

³⁰ Калашник Ю. П. Херсонесский памятник культа Дунайского всадника // Труды ГЭ. 1997. Т. 28. С. 167–173.

³¹ Колосовская Ю. К. Указ. соч. С. 223.